

Смыслоразностные установки педагога А.С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

Владимир Васильевич Морозов,
руководитель Педагогического
музея А.С. Макаренко, кандидат
педагогических наук

● педагогика ● воспитание ● социально-педагогический проект ● реабилитация ● коррекция ● социализация

Важный аспект анализа деятельности А.С. Макаренко — социально-педагогический проект по изменению положения детей в обществе в период глобального кризиса. В отличие от других педагогов, искавших пути решения этой проблемы, А.С. Макаренко целиком посвящает себя изучению детства как части общества. Он стремится привести воспитание в точное соответствие с развитием общества, осознавая неразрывную связь человека с обществом, поскольку «он прежде всего социален», «деятелен» и является «создателем общественных ценностей», а педагогическую мысль сделать мощным фактором ускорения социально-экономического прогресса. Потому-то Макаренко считал, что необходимо «создать новую педагогику, совсем новую». Свою животворящую веру в человека он адресует этой самой новой педагогике: «Я убеждён, что если в будущем кто-нибудь даст в литературе образ идеального человека, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена».

Воспитательная педагогика А.С. Макаренко, по его же словам, «рождалась не в мучительных судорогах кабинетного ума, а в живых движениях людей, в традициях и реакциях реального коллектива, в новых формах дружбы и дисциплины». Отслеживая ситуацию в стране, он с горечью констатирует: «Эта педагогика рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать её первые плоды».

Как педагог-исследователь А.С. Макаренко был убеждён в том, что педагогика может и должна «обгонять общество в его человеческом творчестве». Он сумел доказать это опытом собственной жизни.

Наше время нуждается в преобразованиях. Поэтому настоятельно требует от педагогов

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

более высокого уровня профессиональной готовности к работе с детьми в режиме воспитания, реабилитации, коррекции и социализации. Для этого нужно понять и познать смысложизненные установки и социальную эффективность педагога-творца в решении проблем детства в контексте времени, в котором жил и творил А.С. Макаренко.

Октябрь 1917 г. стал для страны грандиозным экспериментом по изменению человеческой природы и устоев сложившегося бытия. Если исследовать исторические реалии прошедшего времени, убеждаешься, что наряду с трагическим существовало и много позитивного. Опыт целого поколения людей, претворявших в нашей стране идею «мы наш, мы новый мир построим», по-особому проявился в педагогике 1920 — 1930-х гг. Трагизм тех лет был порождён Гражданской войной, голодом, разрухой, бандитизмом. Обречённые дети, лишённые родителей, домашнего очага, жизненных ориентиров, слонялись по стране, образуя огромную армию беспризорников. В 1921 г. число беспризорных детей, нуждающихся в срочной помощи, составило 7,5 млн человек¹. Количество несовершеннолетних, принимавших тогда наркотики, составляло 10% всех беспризорных детей и подростков². Они хотели выжить, но не знали, как, и противное детскому естеству насилие постепенно становилось нормой их жизни, вне которой они уже себя не мыслили. Детская беспризорность становится народным бедствием.

«Все на помощь детям!» — прозвучал лозунг тех лет, на который откликнулись лучшие слои учительской интеллигенции.

В августе 1920 года Полтавский губернский отдел народного образования поручает А.С. Макаренко заведование Основным детским домом для морально дефективных детей № 7 в с. Трибы в 6 км от Полтавы.

В «Педагогической поэме» Антон Семёнович подтверждает этот факт: «В то время нас называли морально дефективными. Но для посторонних миров последнее название мало подходило, ибо от него слишком «несло запахом воспитательского ведомства».

По данным отчёта о деятельности Полтавского губисполкома в колонии «для морально дефективных» находилось восемь воспитанников. Здесь же говорится о причине задержки других групп детей: «в зимние месяцы 1920 г. больше нельзя перевезти детей из города из-за отсутствия одежды и обуви».

«В двадцатом году, — вспоминает Макаренко, — мне дали колонию для правонарушителей... Моё положение было очень тяжёлым...». Не случайно одна из первых глав «Педагогической поэмы» так и называется «Бесславное начало колонии». Ни нормального жилья, ни денег, ни мастерских,

¹ См.: IV сессия ВЦИК VIII созыва, стеногр. отчёт. М., 1924. С. 267.

² Футер Д. О детях-наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10. С. 59.

В.В. Морозов. Смыслжизненные установки педагога А.С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

ни специалистов... Условия жизни открывали «простор для всяческого своеволия, для проявления одичавшей в своём одиночестве личности».

Пережив зиму, в колонию начинают доставлять будущих воспитанников не только из детского коллектора, но «сплошь и рядом их привозят в чёрной карете и сдают из-под револьвера». В учреждения для «дефективных» (к таким относилась колония) направлялись не только совершившие правонарушение или беспризорные дети, но и так называемые *молодые преступники*. Поводом для зачисления в категорию дефективных могли послужить грубость, упрямство, ложь, курение, недисциплинированность... Макаренко, всмотревшись в них, понимает: проступки воспитанников не связаны с врождёнными пороками, а вызваны травмами, порочностью взаимоотношений, ко-

Понять педагогическую логику реабилитации трудных детей и принять правильное решение по выработке стратегии и тактики работы с ними в современных условиях — вот чему нужно сегодня учиться у А.С. Макаренко.

торые сложились у ребят во времена их уличной жизни. Сколько их было тогда, прозябающих под мостами, в заброшенных домах, в мусорных баках, в асфальтовых котлах... И у каждого была своя история, своя правда жизни — у кого-то на Гражданской отца убили, у кого семью вырезали не то белые, не то красные... Сколько их бродило по истерзанной войной России? И чтобы не умереть, они не могли придумать ничего лучшего, чем взяться за нож, за кастет. Они хотели выжить, но не знали, как, и противное добродетельному естеству насилие постепенно становилось их нормой, вне которой они себя не мыслили.

А.С. Макаренко: «Видели ли вы когда-нибудь ребёнка-преступника? По-видимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц со своими искушениями — всё это изуродовало не одну детскую душу.

Но пробовали ли вы всмотреться в душу этих молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, ещё довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая её им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой творческой жизни в обществе?

И если не пробовали — то послушайте, что сделал коллектив педагогов, заинтересованный своим делом, в условиях нашей, бедной ресурсами, но богатой возможностями и большим энтузиазмом, реальной действительности». (Из статьи «Через труд и самоорганизацию — к новой жизни», 1925.)

Понять педагогическую логику реабилитации таких детей и принять правильное решение по выработке стратегии и тактики работы с ними в современных условиях — вот чему нужно сегодня учиться

П Е Д А Г О Г И К А И П О Л И Т И К А

ся у А.С. Макаренко. Он считал, что нет проблемы воспитания правонарушителей, а есть проблема воспитания вообще, что дефективные отношения проявляются в трёх главных областях: в мотивации присвоения, в мотивации преобладания и в мотивации обособления — и устанавливал главные виды действий и мотивов, возникающих в каждой из названных областей. Естественными педагогическими выводами, к которым пришёл А.С. Макаренко на основе анализа дефективности отношений, были следующие:

- задача воспитателя — восстановить нормальные отношения между личностью и обществом, возбуждение новой системы мотивации;
- установить здоровые отношения с окружающим миром и сформировать здоровую систему мотивов;
- вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вменяемыми в жизни, то есть подлечить, наложить заплатки на характеры;
- воспитать человека.

В заключение своих размышлений педагог придёт к выводу: нет детей-правонарушителей, а есть люди, попавшие в тяжёлое положение. И всякий нормальный ребёнок, оказавшийся на улице без помощи, без друзей, без опыта, с истрёпанными нервами — каждый нормальный ребёнок будет себя вести так же, как они. Беспризорники имеют право на счастливую жизнь, они «... не менее богатые, чем я... не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами».

Макаренко в «Поэме» пишет, что за всю жизнь не прочитал столько педагогической литературы, сколько зимой 1920 года. «У меня главным результатом этого чтения была крепкая и почему-то вдруг основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах». И делает заключение: «Мне нужны не книжные формулы, которые всё равно не могут привязать к делу, а немедленный анализ и немедленное действие». Такую педагогическую установку мог принять на себя только человек с опытом работы и, бесспорно, — талантливый. В те годы достаточно популярна была «Дидаскология» (наука об учителе), помогающая педагогу найти эффективные способы и средства воспитания нравственно-целостной личности, используя психотехнологический инструментарий.

О том, что А.С. Макаренко был знаком и активно практиковал методы популярной науки, свидетельствует такой факт. Вспоминает С.А. Калабалин:

«Помню эпизод, произошедший в 1921 г. Год был тяжёлый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было тяжело с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копчёных кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подо-

В.В. Морозов. Смыслжизненные установки педагога А.С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

зрение в хищении могло пасть на доложившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии.

Антон Семёнович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трёх минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развёрнутой линией. Антон Семёнович вышел к нам из своего кабинета. Ошпарил всех нас своим возмущённым взглядом и заговорил:

— Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы ещё не люди, вы микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да ещё что — подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, — я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я — человек! И моё презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так! Я буду подходить к каждому из вас, а вы смотрите прямо в глаза!

Антон Семёнович направился к правому флангу, и мне пришлось первому посмотреть в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

— Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется? Ты более нас голоден?! — разносил Антон Семёнович выхваченного из строя нашего товарищества по кличке Химочка.

— Я не ел её, — закричал Химочка, — я спрятал курицу!..

От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семёнович узнал вора? Гипнотизёр — так заключили многие.

Тем временем Химочка принёс курицу, завёрнутую в лопухи.

— Так вот, — обратился Антон Семёнович к Химочке, — ешь! Раз ты её уже взял, прятал её где-то, как хорёк, мы её отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжений, медлил, отнекивался.

Антон Семёнович подал команду:

— Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А.С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил. На чью же сторону станут эти «серые человеки»?! Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семёновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку...

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

Во время обеда кто-то из ребят подошёл к Химочке с насмешкой.

— Ты, наверно, наелся курятины, — отдай мне свой борщ!

Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семёнович журил его:

— Твой товарищ ради всех нас понёс тяжкое испытание. Немного найдётся среди нас готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем своих товарищей как наказание. Химочка вырос на моих глазах, а ты ослеп. Подумай, чудаки-человек!

— Я уже подумал, Антон Семёнович. Грубо это у меня получилось. Как вы думаете, простит мне Химочка?

— Не знаю, попробуй, и зарекись?..

Какой хороший сгусток чувства жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 г., жена Химочки писала мне: «Всем хорош Ваня: и как муж, и как отец, и ответственный пост занимает, а вот, странное дело, курятины не ест...»

Прогнозировать тенденции положительных изменений у его воспитанников педагогу помогали внутреннее чутьё и опыт самовыражения. Антон Семёнович обосновывает это так: «Мой глаз был достаточно набит, и я с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, ещё по каким-то мельчайшим завиткам личности мог сравнительно точно предсказать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья».

Вот почему он был так внимателен ко всем деталям жизни воспитательного учреждения, к реальным явлениям и фактам.

Его первые воспитанники были не только трудными подростками, но и опасными. Они сознательно занижали возраст, чтобы не попадать под расстрельную статью за бандитизм. В самой колонии процветали воровство, драки, побеги, издевательства старших над младшими, враньё, сквернословие и хамство. В «Педагогической поэме» автор засвидетельствует такой факт: «В первые дни по прибытию в колонию воспитанники просто не замечали нас. К вечеру они свободно уходили из колонии и возвращались утром, сдержанно улыбаясь, на встречу моему проникновенному соцвосовскому выговору».

Макаренко прекрасно понимал, что нельзя становиться рабом обстоятельств и тем более приспособляться к ним. Требовалось стремительно изменить сами обстоятельства. А именно: взять верх над этой неуправляемой вольницей и уголовной стихией. И сила ударила о силу, притязание о притязание, закон кулака о закон любви. Педагог Макаренко вступает в борьбу за искорёженные человеческие души. Он меняет философию отношений с ними. Для их же

В.В. Морозов. Смысложизненные установки педагога А.С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

спасения ему требовалось быть с ними непреклонно «требовательным, суровым и твёрдым». Сочувствие и жалость в расчёт не принимались в силу своей бесполезности. Только решительность, бесстрашие, принципиальность, бескорыстие, человеческий гнев и риск способствовали преодолению у воспитанников таких человеческих пороков, как эгоизм, головоугодничество, шкурничество, цинизм, наглость и хамство — всё то, что разрушает человеческое к человеку.

В своих заметках писатель Владимир Амлинский, анализируя ситуацию, в которой оказался А.С. Макаренко, отмечает: «Как воспитатель педагог знал расстояние от «можно» до «нельзя»... В повседневной своей практике он старался не только понять их, но и приподнять, высветлить в них человеческое, доброе... Он увидел их по-другому, глазами педагога, а может быть и родителя. Увидел опустившихся, одичавших детей, а не романтизированных преступников. Он убрал привлекательные штампы, экзотическое убранство и ощутил суть трагическую и простую.

И осознал, как тяжело будет с ними, но и как прекрасно, потому что в этом — труд его души и жизни. Копать в грязи и отмывать её с людей. Не с романтическими босяками надо было работать. А с живыми, испорченными, исковерканными, хитроумными и проницательными пацанами, с умудрённой жизнью шпаной... Доверие — вот краткая суть его учительской и этической концепции» (1988).

Унижение человека, кем бы и ради чего бы оно ни производилось, должно встречать решительный отпор со стороны педагога, несущего ответственность за воспитанников. Не готовность постоять за себя, а борьба за них, за их будущее и есть руководство к действиям. Но не скоро колонисты поймут смысл этой борьбы и тем более её значимость. Отбрасывая устоявшиеся штампы, признаётся себе: «И всё же они люди» и помочь им — «дело святое». Возьмёт за правило: «не рисковать в педагогике — уже риск, и там, где нужно наказывать, педагог не имеет права не наказывать».

«В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-весёлый ответ:

— Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на «ты».

В состоянии гнева и обиды, доведённый до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел. Я, вероятно, ещё бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

— Простите, Антон Семёнович...

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей, Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

— Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чёртовой матери!

И вышел из спальни».

После этого колонисты получали инструменты.

«У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес — не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно: они получили всё, что им полагалось. Всё равно. Я был готов на всё <...>

К моему удивлению, всё прошло прекрасно. Я поработал с ребятами до обеда. Мы рубили в лесу кривые сосенки. Ребята, в общем, хмурились, но свежий морозный воздух, красивый лес, убранный огромными шапками снега, дружное участие пилы и топора сделали своё дело.

В перерыве мы смущённо закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом:

— А здорово! Ха-ха-ха-ха!..

Приятно было видеть его смеющуюся румяную рожу, и я не мог не ответить ему улыбкой:

— Что здорово? Работа?

— Работа само собой. Нет, а вот как вы меня съездили!

Задоров был большой и сильный юноша, и смеяться ему, конечно, было уместно. Я и то удивлялся, как я решился тронуть такого богатыря.

Он залился смехом и, продолжая хохотать, взял топор и направился к дереву:

— История, ха-ха-ха!..

Обедали мы вместе, с аппетитом и шутками, но утренние события не вспоминали. Я себя чувствовал всё же неловко, но уже решил не сдавать тона и уверенно распорядился после обеда. Волохов ухмыльнулся, но Задоров подошёл ко мне с самой серьёзной рожой:

— Мы не такие плохие, Антон Семёнович! Будет всё хорошо. Мы понимаем...»

Рассматривая «ситуацию с Задоровым» с педагогической точки зрения, А.С. Макаренко оценит её критически: «не удержался на педа-

В.В. Морозов. Смыслоразножизненные установки педагога А.С. Макаренко в воспитании «невоспитуемых»

гогическом канате», «сорвался», «совершил преступление». Он прекрасно сознавал, что избивание воспитанника воспитателем наказуемо законом. Такое если и возможно, то в экстремальной ситуации, где сила измерялась риском. Он бросил вызов, который оказался не под силу его воспитанникам, и те вынуждены были пересмотреть свои взгляды на соотношение сил и признать своё поражение. В «Педагогической поэме» читаем: «...ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боится и Бурун, и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошёл на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок».

Настоящий педагог всегда в раздумье, в поиске верного решения в столь сложном вопросе: наказывать или обойтись без наказания? Это точка предельного испытания себя праведного в разрешении конфликта между добром и злом. Самообладание и самоконтроль — весьма важные качества, сдерживающие развёртывание насильственных действий. Человек, обладающий жизненным опытом, стойкий и уверенный в своих жизненных планах, не станет рабом обстоятельств, а, наоборот, заставит эти обстоятельства служить ему. Так и поступал А.С. Макаренко: стремился изменять сами обстоятельства в интересах дела. Вот как об этом говорит известный педагог А.С. Калабалин: «В экстремальной педагогике есть метод взрыва, но именно как исключительный. Когда все традиционные методы исчерпаны, нужно сделать что-то экстраординарное. Но педагог, который наказывает ребёнка, обязан дать ему понять: я наказываю твой порок, а тебя люблю. Ребёнок разрешит себя наказывать, простит наказание только тому, кому он доверяет, кого любит».

И ещё: «У Макаренко были тысячи различных педагогических приёмов. Дети не знали, как поведёт он себя в той или иной ситуации. Антон Семёнович был непредсказуем, и это вызывало жадное их любопытство. А мы, как мы себя ведём? Каков наш педагогический арсенал? «Встань, выйди из класса!» — вот и всё. Скука...

Называющие себя педагогами, «проходившие» Макаренко в институте, забыли суть его главного принципа межличностных отношений. Игра. Борьба. Каждый ребёнок сопротивляется педагогу, не хочет поддаваться его воздействию, и это закономерно. Плохо, если ребёнок «пластилиновый» и каждый может вылепить из него всё что угодно. И когда в этой борьбе-игре педагог, преодолевая упрямство ребёнка, развивает заложенную в нём искру таланта, самобытность, — это высшее педагогическое счастье».

Ещё одна очень важная смыслоразножизненная установка Макаренко на реабилитацию его «подопечных» сводилась к следующему: воспи-

П Е Д А Г О Г И К А И П О Л И Т И К А

танникам нужен был кумир, либо идеальный образец «с кого можно было бы делать жизнь». Образец — это не образ другого, а образ себя через другого. Это то, каким я хочу, стремлюсь быть. Для растущего человека образец имеет огромное значение, так как «становится образом собственного будущего» (В.И. Слободчиков). И такой образ был найден в лице А.М. Горького. Помогли коллективные чтения книг известных авторов тех лет.

Из писем А.С. Макаренко — А.М. Горькому, 1925 г.: «Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него...

Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создаёт в нашей колонии здоровый, весёлый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает».

Дети Макаренко признали Горького своим. Он стал образцом поведения, идеалом высокого достоинства человека, примером для подражания в стремлениях к лучшей жизни, реальным противовесом пессимистических настроений и гнетущих иллюзий.

«Жизнь М. Горького, — пишет А.С. Макаренко в «Педагогической поэме», — стала как будто частью нашей жизни. Отдельные её эпизоды сделали у нас образцами для сравнений, основаниями для прозвищ, транспарантами для споров, масштабами для измерения человеческой ценности».

А.С. Макаренко требовалось найти в душе каждого из ребят лучшие, самые чувствительные и возвышаемые струны и заставить их звучать. И в этом деле неоценимую услугу оказал ему М. Горький, возможно, даже не подозревая об этом. «Я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь — поступать так, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив». Несомненная истина А.С. Макаренко достойна идеала.